

Крестьянская война 1525 года в Германии в сочинениях классиков марксизма-ленинизма

«Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, угнетенные и угнетатели,—так строился мир испокон веков, таким он остается и теперь в громадном большинстве стран. Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступать, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унижительными»¹.

«Классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя»².

1. Вводные замечания

Маркс, Энгельс и Ленин рассматривали историю крестьянства как историю союзника пролетариата в его революционной борьбе; так рассматривает этот вопрос и товарищ Сталин. На отдельных фактах истории крестьянских движений в средние века и новое время они показали, что крестьянство может достигнуть успеха только вместе и под руководством пролетариата, что пролетариат сам, как гегемон, может уничтожить капитализм и установить свою диктатуру (во имя полного освобождения человечества от оков капитализма) только вместе со своими союзниками, при повседневном руководстве ими. Чтобы разъяснить эти положения пролетариату и крестьянству, Энгельс в 1850 г. написал специальную работу, где сравнивал опыт революции 1848—1849 гг. в Германии с опытом крестьянской войны 1525 г. Эти важнейшие положения выдвинуты были и в целом ряде других произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Дальнейшее развитие они получили в кратком курсе «Истории Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)»³.

В литературном арсенале марксизма-ленинизма о крестьянских движениях и в частности о крестьянской войне 1525 г. в Германии имеется очень много ценнейших положений, характеристик и выводов, кроме специальной работы Энгельса «Крестьянская война 1525 г. в

¹ Сталин И. В. «О Ленине». Стр. 18. Партиздат 1934 г.

² «История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)». Краткий курс. Стр. 120. Изд. 1938 г.

³ Там же, стр. стр. 12, 71, 72 и др.

Германии». На вопрос, почему марксизм-ленинизм уделяет такое внимание крестьянскому вопросу и крестьянским движениям, ответил товарищ Сталин. Настоящие революционеры, говорит товарищ Сталин в своих лекциях «Об основах ленинизма», которые интересуются вопросом о диктатуре пролетариата, должны интересоваться и аграрно-крестьянским вопросом. А правильное понимание аграрно-крестьянского вопроса предполагает знание истории крестьянства и крестьянских движений.

«Немецкий народ, — говорит Энгельс, — также имеет свою революционную традицию. Было время, когда Германия выдвигала характеры, которые можно поставить рядом с лучшими революционерами других стран, когда немецкий народ развивал такую энергию и выдержку, которые у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам, когда немецкие крестьяне и плебеи носились с идеями и планами, которые довольно часто приводили в содрогание и ужас их противников»¹. Немецкий народ дал человечеству Маркса и Энгельса. Подлинное изучение истории немецкого народа, его революционного прошлого, жизни и деятельности его представителей — борцов с угнетателями за свободу трудящихся, имеет в настоящее время исключительно важное значение.

Одним из важнейших моментов героической борьбы угнетенных масс в Германии против феодалов являлась крестьянская война 1525 г. По образному замечанию Маркса, «крестьянская война 1525 года — самый радикальный факт немецкой истории». Крестьянская война представляла собою «... высшую точку революционного движения того времени»². Но в этой войне, говорит В. Циммерман, «... народ был побежден и вследствие этого все движение было оклеветано, все величественные стороны его обойдены молчанием или искажены в рассказах».³

Крестьянская война 1525 г. в Германии была и сейчас является важнейшим вопросом историографии. Дворянские и буржуазные историки мало уделяли внимания этому событию потому, что при объективном анализе могла бы выявиться слишком нежелательная для господствующих классов картина. В своих сочинениях они обыкновенно стремились или обойти молчанием эту проблему, или ограничивались незначительными тенденциозными замечаниями, а чаще всего искажали исторические факты. В европейской историографии о крестьянской войне 1525 г. в Германии существует ряд самых различных концепций, в которых отразились классовые воззрения авторов.

Янсен (историк католического направления) считал, что в Германии в то время не было экономических и социальных причин для возникновения крестьянской войны, что крестьянам жилось хорошо. Подходя к материалам с предвзятой идеей, Янсен соответствующим образом «обрабатывал» исторические памятники, стремясь показать, что крестьяне перед войной употребляли мясо в обильном количестве,

¹ Ф. Энгельс, «Крестьянская война в Германии». Изд. 1931 г., стр. 18.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 675.

³ В. Циммерман. «История крестьянской войны в Германии», стр. 16, изд. 1937 г.

вина и т. д., что между крестьянами и помещиками существовали самые добрососедские отношения.¹ Следовательно, по мнению Янсена, крестьянская война была вызвана не бедственным положением крестьянских масс, а еретическими проповедями реформаторов.

Другой историк, Штольце, утверждал, что крестьяне в 1525 г. якобы искали новые религиозные идеалы.

Ранке проблему крестьянской войны «разрешил» просто, заявив, что выступления крестьян различных районов Германии являлись «бунтами» местного значения.

По мнению Белова, немецкое крестьянство было подавлено только в правовом отношении, и, следовательно, восставшие крестьяне хотели привести свое юридическое положение в соответствие с экономическим.

Разумеется, все эти концепции не только не способствовали правильному пониманию характера крестьянской войны в Германии, но до чрезвычайности исказили и извратили всю проблему.

Большую роль в извращении истории крестьянской войны 1525 г. и вообще вопроса о крестьянских движениях сыграл Фердинанд Лассаль, который в своей драме «Франц фон Зиккинген» осудил крестьянскую войну, как реакционное движение. В указанной драме он идеализирует своего героя, одевая его в тогу борца за национальное объединение Германии. Лассаль «поет славу» рыцарскому восстанию Зиккингена и Ульриха фон Гуттена, которое, по его мнению, должно бы кончиться национальным объединением Германии. Лассаль, по выражению Маркса, «поставил лютеранско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской»². Здесь очень важно отметить, что Лассаль написал свою драму тогда, когда немецким читателям был уже известен знаменитый труд В. Циммермана, где важнейшие вопросы крестьянской войны были поставлены и разрешены совершенно иначе.

Указанные выше взгляды Лассалья были использованы позднее презренными контрреволюционными троцкистами для борьбы с генеральной линией нашей партии по важнейшим вопросам революционного движения и социалистического строительства.

Извращали историю крестьянской войны 1525 г. национал-социалисты. Они изображают «великие крестьянские движения — как прямые предтечи фашистского движения»³.

Упомянутые выше факты фальсификации истории крестьянской войны 1525 года совершенно четко показывают нам, в какой степени необходимо настоящее, подлинно научное, марксистско-ленинское изучение истории вообще и, в частности, истории крестьянской войны 1525 года в Германии. Такое изучение истории является важнейшим условием для того, чтобы разоблачить до конца всех фальсификаторов, чем бы они не прикрывали свои цели,

Только марксистско-ленинская историческая наука установила

¹ См. Янсен. «Экономическое, правовое и политическое состояние Германии перед реформацией».

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 252.

³ Г. Димитров. Доклад на VII всемирном конгрессе Коммунистического интернационала, стр. 77. Партиздат, 1935.

единственно правильный взгляд на крестьянские движения вообще и в частности на крестьянскую войну 1525 г. в Германии, подняв историографию вопроса на новую высшую ступень. Цель этой статьи — собрать в одно целое высказывания марксизма-ленинизма по существу данного вопроса и показать крестьянскую войну 1525 г. в Германии в таком свете, в каком она выступает в работах классиков марксизма-ленинизма¹.

II. Причины войны

В отличие от Янсена, Белова и других, которые выдвигали различные версии о причинах крестьянской войны и ее характере, классики марксизма-ленинизма исчерпывающе разрешили этот вопрос на основе результатов глубокого анализа противоречий феодального способа производства, положения крестьянства и других классов.

«В своем изображении, — говорит Энгельс, — я пытался, рисуя лишь в общих чертах исторический ход борьбы, объяснить происхождение крестьянской войны, позиции, занятые различными выступившими в ней партиями, политические и религиозные теории, при помощи которых эти партии стараются уяснить себе свое собственное положение, наконец, самый исход войны, как необходимое следствие существовавших тогда исторических условий общественной жизни этих классов; другими словами, я пытался показать, что политический строй Германии, восстания против него, политические и религиозные теории эпохи были не причиной, а результатом той ступени развития, на которой находились тогда в Германии земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение»².

Для того, чтобы вскрыть со всей отчетливостью причины и сущность крестьянской войны 1525 г., Энгельс показывает экономику Германии, политическое состояние, соотношение классовых сил и положение крестьян. Период с XIII по XVI век характеризуется в Германии общим экономическим подъемом и оживлением. Растет интенсивность сельского хозяйства, развивается мейерская аренда. Германия вывозит много «ржи и солода в Шотландию, Голландию, Зеландию и Брабант». Углублялось общественное разделение труда; шел процесс образования профессий. Усиливалась экономическая роль городов: «южно-германские города, как Аугсбург и Нюрнберг, были центрами богатств»³. В городах развивалась промышленность (ткачество, золотых дел мастерство, резание по дереву, меди, оружейное дело и т. д.). В горном деле немцы имели тогда мировую известность. «В XIV и XV столетиях быстро развились и разбогатели города. Особенно отличались своей художественной промышленностью и

¹ Ценнейшие указания классиков марксизма-ленинизма, имеющиеся в их разных сочинениях, кроме специальной работы Энгельса, не были еще собраны в одно целое. Печатаю эту статью, автор полагает, что надобность в подобной работе имеется.

² Ф. Энгельс, «Крестьянская война в Германии», 4 ст. 1931 г.

³ Меринг, «Истор. Германии с конца сред. век.», 35 ст.

роскошью города в южной Германии и по Рейну»¹. В период феодального строя, говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), молодая буржуазия Европы двигала производительные силы общества (ст. 124).

«Рука об руку с промышленностью развивалась и торговля»². Это хозяйственное оживление Германии безусловно было связано с общим подъемом Европы после крестовых походов: «со времени крестовых походов промышленность колоссально развилась и добыла массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельничное дело), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических фактов (очки), которые доставили не только огромный материал для наблюдений, но также совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования и допустили построение новых инструментов. Можно сказать, что собственно систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени. Во-вторых, вся Западная и Центральная Европа, включая Польшу, развивается теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей старинной цивилизации продолжает стоять во главе»³.

Южно-немецкие города оказались на перекрестке мировых связей. Но торговля велась и на северо-западе и на северо-востоке. Торговый капитал особенно усиливается в XV веке, проникая в ремесло, в результате чего непосредственный производитель попадает под влияние скупщика-капиталиста. Богатства купцов росли неизмеримо быстро, за их столами «ели и пили из сосудов, сделанных из чистого серебра и золота». Но на пути экономического развития общества были серьезные препятствия в лице феодальных учреждений. Разоряющееся рыцарство занималось грабежом на торговых путях. Цепко державшееся за свои привилегии, господствовавшее «в обществе позднего средневековья феодальное дворянство в экономическом отношении начало становиться излишним, даже прямой помехой; каким образом и политически оно точно так же стояло поперек дороги и развитию городов и национальному государству, которое тогда было возможно только в монархической форме»⁴. Стесняла торговлю и промышленность политическая раздробленность, связанная с усобицами и мятежами. Германия распадалась на отдельные независимые или полунезависимые княжества, графства, баронства и т. д. В результате этого процесса усиливались князья, которые были «почти независимыми от императора и обладали большей частью верховных прав»⁵. «Золотая булла» Карла IV (1356 г.) юридически оформила и закрепила этот давно происходящий процесс⁶. Сами императоры прежде всего заботились о своих владениях. Летописи говорят о Сигизмунде, что он «больше интересовался собственной страной». Доходы империи сильно сокращались. «Теперь ты упала, — говорит об империи один

¹ К. Маркс и Энгельс, соч., т. XV, ст. 641.

² Энгельс, «Крестьянская война в Германии», ст. 19.

³ «Маркс и Энгельс о религии и борьбе с ней» т. II, стр. 577-78.

⁴ Маркс и Энгельс, соч., т. XVI, ч. I, стр. 446.

⁵ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 21.

⁶ Установилось фактическое господство 7 крупных магнатов: М. Г. Бранденбургского, герц. Саксонского, кор. Чешского, П. Ф. гр. Рейнского, арх. Майнцского, Кельнского и Трирского.

поэт, — и бессильно лежишь потому, что кто должен был защищать, тот грабит тебя: князя — грабители твоей славы». Подобная же участь империи была и при Фридрихе III. Шпеерские хроники говорят о том, что он «был бесполезным императором, он не умел подавлять войны и усобицы в стране. Он оставался в своих владениях». Кроме внутренних причин империя расшатывалась еще и турецкими нападениями, особенно при императоре Фридрихе III и в начале воцарения Максимилиана I. В борьбе против этой опасности князя не помогали императору. Ожидать от них помощи «все равно, что ожидать винограда на терновнике» (слова одного советника Максимилиана). Они, как это видно из жалоб Максимилиана I, «не исполнили даже того, что сами по собственной воле постановили». Так постепенно происходило дальнейшее дробление Германии.

Говоря об успехах отдельных наций и национальных государств в Европе в конце средних веков, Энгельс отметил: «Во всей Европе были еще только две страны, в которых не было ни королевской власти, ни без нее тогда немислимого национального единства или они существовали на бумаге: Италия и Германия»¹. В результате указанного дробления еще более укреплялось засилье римской (католической) церкви. По классическому замечанию Маркса «за день до реформации официальная Германия была самым покорным рабом Рима»². Из Германии извлекались колоссальные суммы денег. По образному выражению, Рим снимал сметану, а немецким дворянам оставалось в Германии снятое молоко.

Подобное политическое состояние Германии, обусловлено было отсутствием тесных экономических связей между отдельными районами и соотношением классовых сил. На пути политического объединения был серьезнейший тормоз — пестрота сословного строя. «Каждое сословие стояло поперек дороги другим и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными»³.

Как показано выше, самой сильной социальной группой являлась княжеская верхушка. Из феодальной иерархии Германии, среднее дворянство «исчезло почти совершенно» (Энгельс) в результате его размывания, т. е. перехода незначительной части к мелким князьям и большей частью к рыцарству, которое под влиянием развития товарно-денежных отношений и изменений в военной технике шло к своей гибели. «Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты выстрелами новых орудий, их основы были подрывы деньгами»⁴. Рыцари с завистью смотрели на привольную жизнь патрициев, прелатов и князей. «Роскошная жизнь городских патрициев не давала покоя помещному юнкерству, питавшемуся грубой пищей, одетому в грубую одежду, обставленному неуклюжей мебелью»⁵. Рыцари стремились соперничать с владетельными элементами, но это только ускоряло их разорение и гибель. Одна его часть составляла слуг кня-

¹ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 450.

² Маркс и Энгельс, соч. т. I, стр. 407.

³ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 30.

⁴ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 442.

⁵ Маркс и Энгельс, соч. т. XV, стр. 641.

зей, другая ленно-зависимых и третья (меньшинство) была на службе у императора.

Господствующим и эксплуататорским сословием являлось духовенство, которое распадалось на два совершенно различных класса¹. Аристократическую часть составляли крупные духовные сановники, которые эксплуатировали мирян и прежде всего трудящихся не меньше, чем светские магнаты, ведя развратный образ жизни. Другую часть составляло плебейское духовенство, которое находилось «вне феодальной иерархии церкви» (Энгельс). Эта часть комплектовалась из бюргерских и плебейских элементов и оплачивалась очень низко, в результате чего плебейское духовенство близко было к массам и во время революционных движений часто выдвигало идеологов и руководителей. Обе эти части духовенства находились в подчинении папы.

Результатом экономического развития было усиление городов, увеличение числа и роли горожан. «В то время, как дворянство становилось все более и более излишним и мешало развитию, горожане стали классом, который воплотил в себе дальнейшее развитие производства и обмена (Verkehr), просвещения, социальные и политические учреждения»². Проникновение капиталистических элементов усиливало дифференциацию в городском населении. Господствующее положение занимала в городах аристократия (городской патрициат), которая пользуясь своим положением эксплуатировала «городскую общину и подвластных городу крестьян»³. Между патрициатом и плебейством находилось среднее бюргерство, которое составляло оппозицию по отношению к патрициату, но в то же время являлось в своем большинстве эксплуататорской группой. На крайнем фланге находилось городское плебейство, состоявшее из подмастерьев, поденщиков и зачатков люмпен-пролетариата. Все это плебейство не имело прав гражданства. Подмастерья и поденщики были эксплуатируемы.

«Под всеми этими классами, за исключением последнего (т. е. подмастерьев и поденщиков — И. И.) находилась громадная эксплуатируемая масса народа — крестьяне»⁴.

Положение крестьянских масс накануне войны было исключительно невыносимо. Вообще нужно подчеркнуть, что в Европе в конце средних веков «в деревне феодалы хозяйничали еще во-всю, истязали крепостных, роскошествовали, в то время, как те обливались потом, вытапывали их посевы, насиловали их жен и дочерей»⁵. Эксплуатация, говорится в кратком курсе истории ВКП(б), здесь почти такая же, как при рабстве, — она только несколько смягчена. Как правило, феодал не мог убить крепостного, но он мог его продать и купить, мог бросить его в подвал и т. д.⁶. Особенно ярко все это проявлялось в Германии. Немецкое крестьянство в то время распадалось в основном на 3 социальные категории: крепостных, полусвободных

¹ Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 23.

² Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 441.

³ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 25.

⁴ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 29.

⁵ Соч. Маркса и Энгельса, т. 16, часть I, стр. 440.

⁶ История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), стр. 120.

и свободных, но все эти категории были подавлены феодальными порядками. «Эксплоатация крестьян дворянством, — говорит Энгельс, — с каждым годом возрастала все более и более. Из крепостных высасывали последние капли крови, зависимых людей облагали новыми взносами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями¹. Энгельсу принадлежит классическая характеристика положения немецких крестьян в конце XV и в начале XVI вв. Эта характеристика является вообще образцом исторического анализа и обобщения. Она вдребезги разбивает концепции Янсена, Белова и других, которые считали, что немецкое крестьянство накануне войны находилось в благоприятных экономических условиях. На основе богатейшего фактического материала, собранного В. Циммерманом, Энгельс констатирует: «На крестьянина ложилась своею тяжестью вся иерархия общественного здания: князья, дворянство, попы, патриции, городские бюргеры. Принадлежал ли он князю, вольному имперскому рыцарю, монастырю или городу, с ним всюду обращались, как с вещью или вьючным животным, или же еще хуже. Если он был крепостным (*Leibeigener*) он находился всецело во власти своего господина; если же он был зависимым (*Höriger*), то уже одних законных, установленных по договору повинностей было вполне достаточно, чтобы задавить его; но эти повинности увеличивались с каждым днем. В течение большей части своего времени он должен был работать на земле своего господина, а из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов, он должен был выплачивать десятины, цензы, оброки, военные подати (*Bede, Reisegeld*), местные и общеимперские подати. Он не мог ни вступать в брак, ни умереть, не заплатив своему господину. Помимо обычной барщины он должен был собирать для своего повелителя солому, землянику, чернику, улиток, загонять во время охоты дичь, рубить дрова и т. д. Право рыбной ловли и охоты принадлежало господину, и крестьянин обязан был спокойно взирать на то, как дичь разоряет его урожай. Общинные выпасы и леса крестьян были почти везде насильственно отобраны господами; и произвольная власть господина простиралась не только на собственность крестьянина, но и на его личность и личность его жены и дочерей. Он пользовался правом первой ночи. Он в любой момент мог бросить крестьянина в башню, где его тогда ждали пытки с тою же неизбежностью, как теперь ждет арестованного судебный следователь. Он бил его до смерти, и если хотел, мог приказать обезглавить его. Из тех поучительных глав «Каролины», которые говорят об «обрезывании ушей», «обрезывании носа», «выкалывании глаз», «обрублении пальцев и рук», «сжигании», «пытке раскаленными щипцами», «колесовании», «четвертовании», нет ни одной, которой бы милостивый господин и покровитель не применял к своим крестьянам по усмотрению. И кто мог бы оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги. Ибо все официальные сословия империи жили за счет эксплуатации крестьян². Анализируя указания Энгельса,

¹ Энгельс. «Крестьянская война в Германии», 22-23 стр., изд. 1932 г.

² Энгельс. «Крестьянская война в Германии», стр. 29-30.

Ленин заметил: «Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно»¹. Однако, крестьянин был подавлен не только экономически и юридически, но и морально. К нему относились презрительно. Среди дворян широко распространены были поговорки: «Крестьянин что бык, только не имеет рогов», «Крестьянская спина широка, она все вынесет» и т. д. В связи с распространением римского права, в условиях экономической эволюции Германии, крепостничество приближается к своеобразному рабскому состоянию»². С крепостным «всюду обращались, как с вещью или вьючным животным, или еще хуже» (Энгельс). В порабощении крестьянских масс известную роль сыграли юристы, «которые своим применением римских законов к германским отношениям, большей частью им (т. е. крестьянам — И. И.) непонятным, сумели создать безграничную путаницу, и при том такого рода, что помещик всегда был от нее в выигрыше, а крестьянин постоянно в проигрыше»³.

Вследствие всех указанных условий почва для взрыва народного негодования против угнетателей и господствующих порядков подготавливалась во всех районах. Но этот взрыв народного негодования в Германии подготавливался очень медленно, так как крестьянские массы были забиты условиями жизни и опутаны целым рядом традиций. «Как ни тяжел был гнет, — говорит Энгельс, — под которым приходилось стонать крестьянам, толкнуть их на восстание было все-таки очень трудно. Их раздробленность чрезвычайно сильно затрудняла возможность общего соглашения. Долгая привычка к подчинению, переходящая от поколения к поколению; отвычка во многих местах от употребления оружия; то усиливающаяся, то ослабевающая, в зависимости от личности господина, жестокость эксплуатации, — все это содействовало тому, чтобы крестьяне оставались спокойными»⁴.

Крестьянская масса, говорит Энгельс в другом месте своего сочинения, «никогда не выходила за пределы ближайших местных отношений, и потому ее интересы ограничивались узким местным горизонтом»⁵.

III. Местные крестьянские выступления и восстание рыцарства накануне войны 1525 г.

Несмотря, однако, на все отмеченные выше условия, негодование крестьян против своих угнетателей проявлялось в форме отдельных (местных) вспышек в целом ряде районов. Слова Ленина о том, что «Вся эпоха крепостного права... полна постоянных восстаний крестьян»⁶, в полной мере относятся и к средневековой Германии. Они нашли свое дальнейшее развитие в Курсе Истории ВКП(б). Там (120 стр.) говорится, что классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя.

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 371.

² См. об этом «Историю Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), стр. 120.

³ Маркс и Энгельс, Соч. т. XV, стр. 641.

⁴ Энгельс, т. ж. 30.

⁵ Энгельс, т. ж. 20.

⁶ Ленин. Соч., 24 т., 371 стр. Изд. 3-е.

и свободных, но все эти категории были подавлены феодальными порядками. «Эксплоатация крестьян дворянством, — говорит Энгельс, — с каждым годом возрастала все более и более. Из крепостных высасывали последние капли крови, зависимых людей облагали новыми взносами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями¹. Энгельсу принадлежит классическая характеристика положения немецких крестьян в конце XV и в начале XVI вв. Эта характеристика является вообще образцом исторического анализа и обобщения. Она вдребезги разбивает концепции Янсена, Белова и других, которые считали, что немецкое крестьянство накануне войны находилось в благоприятных экономических условиях. На основе богатейшего фактического материала, собранного В. Циммерманом, Энгельс констатирует: «На крестьянина ложилась своею тяжестью вся иерархия общественного здания: князья, дворянство, попы, патриции, городские бюргеры. Принадлежал ли он князю, вольному имперскому рыцарю, монастырю или городу, с ним всюду обращались, как с вещью или вьючным животным, или же еще хуже. Если он был крепостным (*Leibeigener*) он находился всецело во власти своего господина; если же он был зависимым (*Höriger*), то уже одних законных, установленных по договору повинностей было вполне достаточно, чтобы задавить его; но эти повинности увеличивались с каждым днем. В течение большей части своего времени он должен был работать на земле своего господина, а из того, что ему удавалось выработать в течение немногих свободных часов, он должен был выплачивать десятины, цензы, оброки, военные подати (*Bede, Reisegeld*), местные и общеимперские подати. Он не мог ни вступать в брак, ни умереть, не заплатив своему господину. Помимо обычной барщины он должен был собирать для своего повелителя солому, землянику, чернику, улиток, загонять во время охоты дичь, рубить дрова и т. д. Право рыбной ловли и охоты принадлежало господину, и крестьянин обязан был спокойно взирать на то, как дичь разоряет его урожай. Общинные выпасы и леса крестьян были почти везде насильственно отобраны господами; и произвольная власть господина простиралась не только на собственность крестьянина, но и на его личность и личность его жены и дочерей. Он пользовался правом первой ночи. Он в любой момент мог бросить крестьянина в башню, где его тогда ждали пытки с тою же неизбежностью, как теперь ждет арестованного судебный следователь. Он бил его до смерти, и если хотел, мог приказать обезглавить его. Из тех поучительных глав «Каролины», которые говорят об «обрезывании ушей», «обрезывании носа», «выкалывании глаз», «обрублении пальцев и рук», «сжигании», «пытке раскаленными щипцами», «колесовании», «четвертовании», нет ни одной, которой бы милостивый господин и покровитель не применял к своим крестьянам по усмотрению. И кто мог бы оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги. Ибо все официальные сословия империи жили за счет эксплуатации крестьян². Анализируя указания Энгельса,

¹ Энгельс. «Крестьянская война в Германии», 22-23 стр., изд. 1932 г.

² Энгельс. «Крестьянская война в Германии», стр. 29-30.

Ленин заметил: «Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно»¹. Однако, крестьянин был подавлен не только экономически и юридически, но и морально. К нему относились презрительно. Среди дворян широко распространены были поговорки: «Крестьянин что бык, только не имеет рогов», «Крестьянская спина широка, она все вынесет» и т. д. В связи с распространением римского права, в условиях экономической эволюции Германии, крепостничество приближается к своеобразному рабскому состоянию»². С крепостным «всюду обращались, как с вещью или выючным животным, или еще хуже» (Энгельс). В порабощении крестьянских масс известную роль сыграли юристы, «которые своим применением римских законов к германским отношениям, большей частью им (т. е. крестьянам — И. И.) непонятным, сумели создать безграничную путаницу, и при том такого рода, что помещик всегда был от нее в выигрыше, а крестьянин постоянно в проигрыше»³.

Вследствие всех указанных условий почва для взрыва народного негодования против угнетателей и господствующих порядков подготавливалась во всех районах. Но этот взрыв народного негодования в Германии подготавливался очень медленно, так как крестьянские массы были забиты условиями жизни и опутаны целым рядом традиций. «Как ни тяжел был гнет, — говорит Энгельс, — под которым приходилось стонать крестьянам, толкнуть их на восстание было все-таки очень трудно. Их раздробленность чрезвычайно сильно затрудняла возможность общего соглашения. Долгая привычка к подчинению, переходящая от поколения к поколению; отвычка во многих местах от употребления оружия; то усиливающаяся, то ослабевающая, в зависимости от личности господина, жестокость эксплуатации, — все это содействовало тому, чтобы крестьяне оставались спокойными»⁴.

Крестьянская масса, говорит Энгельс в другом месте своего сочинения, «никогда не выходила за пределы ближайших местных отношений, и потому ее интересы ограничивались узким местным горизонтом»⁵.

III. Местные крестьянские выступления и восстание рыцарства накануне войны 1525 г.

Несмотря, однако, на все отмеченные выше условия, негодование крестьян против своих угнетателей проявлялось в форме отдельных (местных) вспышек в целом ряде районов. Слова Ленина о том, что «Вся эпоха крепостного права... полна постоянных восстаний крестьян»⁶, в полной мере относятся и к средневековой Германии. Они нашли свое дальнейшее развитие в Курсе Истории ВКП(б). Там (120 стр.) говорится, что классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя.

¹ Ленин. Соч., т. XXIV, стр. 371.

² См. об этом «Историю Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), стр. 120.

³ Маркс и Энгельс, Соч. т. XV, стр. 641.

⁴ Энгельс, т. ж. 30.

⁵ Энгельс, т. ж. 20.

⁶ Ленин. Соч., 24 т., 371 стр. Изд. 3-е.

Правда, здесь эти местные восстания никогда не поднимались до уровня общенациональных выступлений крестьянства. «В средние века, — заявляет Энгельс, — мы встречаемся с большим количеством местных восстаний крестьян, но, — по крайней мере, в Германии, — мы до крестьянской войны не находим ни одного общенационального крестьянского восстания»¹.

Местные восстания в Германии с особой силой стали вспыхивать в конце XV и в начале XVI вв., являясь как бы преддверием великих событий 1525 г. На «хищничество помещиков, дворян и попов, — говорит Энгельс, — с конца XV столетия крестьяне стали отвечать частыми разрозненными восстаниями, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабию, Баварию, Франконию и не распространилась также на Эльзас, Пфальц, Рейнскую область и Тюрингию»².

В 1476 г. произошли волнения крестьян в Вюрцбургском епископстве, связанные с деятельностью пастуха Ганса Бегайм (Ганса Дударя). Ганс Дударь говорил, что сама св. Мария предложила ему поднять народ против несправедливостей существующего строя. Он говорил, «что впредь не должно быть ни императора, ни князя, ни папы, ни каких либо других духовных или светских властей; все люди должны стать друг другу братьями, и каждый должен зарабатывать кусок хлеба трудом своих рук... Все платежи, оброки, барщины, пошлыны подати и остальные поборы и повинности должны быть отменены навсегда, и леса, воды и пастбища должны повсеместно стать свободными».

Проповеди Ганса пользовались колоссальным успехом среди крестьян; со всех сторон к нему стали стекаться паломники и крестьянские отряды. Полагают, что в распоряжении Ганса было около 34 тысяч человек, готовых взяться за оружие. Ганс призывал крестьян к вооруженной борьбе против угнетателей. В Никласгаузен, говорил он, приходите «не с посохом, а с доспехами и оружием, со свечей в одной руке и с мечом, пикой или алебардой в другой».

Сам Ганс Бегайм местным епископом предательски был убит, а крестьянские отряды были разогнаны.

Наряду с этими событиями в Вюрцбургском епископстве происходили волнения и в других районах Германии. В 1493 г. в Эльзасе действует тайный крестьянский союз, называемый «Союзом Башмака»³. Союз готовился к восстанию, но в скором времени был раскрыт и разогнан. Многие деятели указанного союза вынуждены были бежать в другие районы Германии, где они выступали в качестве инициаторов ряда крестьянских выступлений и организаторов крестьянских союзов.

Около 1502 г. появились первые признаки тайного крестьянского движения в Шпейеровском епископстве. Союзный башмак, — говорит Энгельс, — «реорганизовался здесь с значительным успехом»⁴. Крестьяне требовали уничтожения всех властей кроме императорской. Они требовали «... отмены каких бы то ни было чиншей, десятин, налогов и пошлин князьям, дворянству и попам; упразднения»

¹ Энгельс, ук. кн., ст. 30.

² Маркс и Энгельс, соч., т. XV, стр. 641.

³ На знамени крестьян был изображен крестьянский башмак.

⁴ Энгельс, указ. кн., стр. 54.

крепостной зависимости; конфискации монастырских и прочих церковных земель и раздела их среди народа; наконец, не должно было быть никаких других властей кроме императора»¹. Но тайна заговора была вскрыта коварным священником во время исповедания одного из членов крестьянского союза.

Дезорганизованный союз был снова восстановлен на верхнем Рейне в 1513 г. Иоссом Фрицем — талантливым организатором крестьян (см. указ. кн. Энгельса, стр. 55). Съезд крестьян на Гартматте у Леена принял четырнадцать тезисов союзной программы. Главные пункты этой программы, по определению Энгельса, следующие: «уничтожение всех властей, кроме императорской и (согласно некоторым известиям) папской; упразднение ротвейльского имперского суда, ограничение церковного суда духовными делами...; конфискация церковных имений и монастырских сокровищ в пользу союзной военной казны; отмена всех несправедливых налогов и пошлин...» и т. д.

Параллельно с союзом Иосса Фрица действовал союз Бедного Конрада в Бадене и Вюртемберге. Хотя союз Бедного Конрада существовал уже с 1503 г., но главный момент его борьбы с феодалами относится к 1514 г. Во главе союза стоял Каспар Прегицера.

Проанализировав требования союза Иосса Фрица и «Бедного Конрада», Энгельс заявил: «Они показывают, что с одной стороны, требования крестьян и плебеев стали принимать все более определенную и твердую форму, и что с другой, пришлось в той же степени делать уступки более нерешительным и умеренным элементам»².

Но в конце XV и в начале XVI вв. в Германии обострение социально-политических противоречий выступает не только в борьбе крестьян против феодалов, но и в выступлениях бюргерской оппозиции против патрициата, рыцарства против крупных князей и церковных прелатов. В 1522—1523 гг. мы видим крупные столкновения между рыцарством и князьями. Рыцарству «грозила потеря независимости и подчинение становившимся все более могущественными светским и церковным князьям». (Энгельс). Поэтому оно требовало проведения реформ, жертвой которых и должны были быть князья и церковные прелаты. Оно требовало восстановления империи — восстановления политического единства в Германии, т. к. «его собственная гибель должна была совпадать с гибелью немцев как нации»³.

Этим, собственно, Энгельс объясняет и то обстоятельство, что рыцарство было в то время самым национальным сословием. Представители рыцарства в лице Ульриха фон Гуттена и Франца фон Зиккингена мечтали об установлении имперских порядков, основанных на своеобразной дворянской «демократии». До восстания Зиккинген возлагал большие надежды на императора Карла V. По замечанию Маркса он «... хотел принудить Карла V стать во главе движения»⁴.

Но указанная Энгельсом «Покоящаяся на крепостной зависи-

¹ Энгельс, т. ж. стр. 54. Между прочим, Энгельс замечает, что «Мы здесь впервые встречаем у крестьян требование секуляризации церковных имений в пользу народа и требование единой и неделимой Германской империи».

² Энгельс, т. ж. стр. 57.

³ Энгельс, т. ж. стр. 65.

⁴ Маркс и Энгельс, соч. т. XXIII, стр. 230.

мости дворянская демократия, в том виде, как она существовала в Польше и в несколько видоизмененной форме в первые столетия образованных германцами после завоевания Римской империи королевств, ... была в Германии XVI века уже невозможна»¹. Невозможна была потому, что в Германии в это время существовали развитые города и потому, что рыцарство совершенно не думало об облегчении положения широких масс крестьянства, без помощи которых рыцарство было одиноким в борьбе с князьями и прелатами.

Вождь рыцарства Зиккинген, по замечанию Маркса, «выступает против князей (ведь против императора он идет только потому, что император из императора рыцарей превращается в императора князей), постольку он на самом деле просто Дон-Кихот, хотя и имеющий историческое оправдание»². Его дело (и дело его друга Ульриха фон Гуттена) обречено было на гибель. Зиккинген погиб, говорил Маркс, «не из-за собственного лукавства. Он погиб потому, что восстал против существующего (строя), или вернее, против новой формы существующего (строя) как рыцарь и как представитель гибнущего класса»³.

Указанные положения Маркса вполне разделял и Энгельс. В своем письме к Ф. Лассалю от 18 мая 1859 г. он указывал на то, что «... проведение национальной дворянской революции было возможно только в союзе с городами и крестьянами, в особенности с последними»⁴. Но этого союза не было. Далее Энгельс прямо заявляет: «Как раз в том, на мой взгляд, и заключается трагический момент, что союз с крестьянами — это основное условие — был невозможен, что вследствие этого политика дворянства должна была по необходимости сводиться к мелочам, что в тот момент, когда оно захотело встать во главе национального движения, масса нации, крестьяне, запротестовала против его руководства, и оно неизбежно должно было пасть»⁵. Дело рыцарства приобрело исключительно противоречивый характер. Если оно хотело временного успеха, то оно должно было действовать вместе с городской буржуазией и крестьянами, но выступление указанных социальных сил означало отрицание рыцарства как сословия. Это положение выдвинуто Марксом. «Если бы он (т. е. Зиккинген — И. И.) начал его иначе, то он должен был бы непосредственно и при том с самого же начала апеллировать к городам и крестьянам, т. е. как раз тем классам, развитие которых равносильно отрицанию рыцарства»⁶. Масса тогдашнего дворянства, — говорит Энгельс, «не думала о заключении союза с крестьянами; этого не допускала его зависимость от доходов, получаемых путем угнетения крестьян»⁷. Рыцарское восстание было подавлено. Планы Гуттена потерпели также поражение. Классовую сущность и историческое значение идей немецкого рыцарства со всей четкостью вскрыл Маркс в своем письме к Лассалю от 19 апреля 1859 г. Он указал, что Гуттен и Зиккинген «сделались, с одной

¹ Энгельс, указ. кн. стр. 65-66.

² Маркс и Энгельс, соч. т. XXV, стр. 251.

³ Там же стр. 251.

⁴ Там же, стр. 261.

⁵ Там же, стр. 261.

⁶ Там же, стр. 251.

⁷ Там же, стр. 261.

стороны, орудиями современных идей, а с другой — фактически представляли интересы реакционного класса»¹. В «Скитании по Ломбардии» Энгельс называет Гуттена героем и борцом за свободную идею. Но классики марксизма в то же время, и более сильно, подчеркивали реакционную сторону в дворянских реформах. Маркс подчеркивал, например, что за их «лозунгами единства и свободы все еще скрывается мечта о старой империи и кулачном праве»². Далее говоря о Зиккингене Маркс отметил, что «сам он охотно применяет к городам законы кулачного права»³.

Особенно широко разворачивается волна местных крестьянских выступлений с 1517 г. С этого момента, — говорит Энгельс, — в Германии не проходило ни одного года, когда бы крестьяне также не выступали со своими требованиями. С 1518 г. по 1523 г. в Шварцвальде и в верхней Швабии одно местное восстание крестьян следовало за другим. С весны 1524 г. эти восстания приняли систематический характер.

В это же время в Германии начинается разворачиваться реформация, составной и наиболее радикальной частью которой были выступления крестьян.

IV. Реформация и начало крестьянской войны

В отличие от буржуазных ученых, которые видели в реформации движение чисто религиозного характера, Маркс, Энгельс и Ленин оценивали ее как первый акт буржуазной революции. Энгельс говорил, что «великая борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения в трех крупных решительных битвах. Первой было то, что мы называем реформацией в Германии»⁴. Реформацию в Германии великой борьбой буржуазии с феодализмом называл и В. И. Ленин⁵. Реформация была подготовлена всем ходом экономического, социального, политического и духовного развития Германии в конце средних веков.

В связи с прогрессивным развитием общества, «в недрах феодализма развивалась сила буржуазии. Новый класс выступил против крупных землевладельцев. Горожане были прежде всего и исключительно товаропроизводителями и торговцами, между тем, как феодальный способ производства главным образом покоился на потреблении продуктов, произведенных в пределах узкого круга частью самими производителями, частью феодалами, взимавшими оброк. Скроенное по феодализму католическое мировоззрение не могло уже удовлетворять этот новый класс с его условиями производства и обмена»⁶. Борясь с феодализмом, буржуазия выдвигает свою идеологию. Энгельс показал, что на протяжении всего средневековья догматы

¹ Маркс и Энгельс, соч. т. XXV, стр. 251;

² Там же стр. 252.

³ Там же, стр. 252. Между прочим, Энгельс отметил, что там, где Гуттен обращается к крестьянам, он лишь слегка задевает щекотливый пункт об отношении к дворянству и старается направить всю ярость крестьян, главным образом, против попов (см. указ. том, стр. 261).

⁴ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. II, стр. 297.

⁵ Ленин, соч. т. XII, стр. 210.

⁶ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 295.

церкви являлись одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона¹. Он также доказал, что в тех условиях «...всеобщие нападки на феодализм и прежде всего на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять собою одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости»². Вследствие этого классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой³. Эту же мысль Энгельс проводил в своем «Людвиге Фейербахе». Там он заявляет: «Средние века присоединили к богословию и подчинили ему все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму. Чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, ее собственные интересы должны были представляться ей в религиозной одежде»⁴. Ввиду особого характера средневекового миросозерцания, как идеологической надстройки над феодальным базисом, ввиду господствующего положения церкви как составной части феодальной системы⁵ «...всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви»⁶. Поэтому «Прежде чем вступить в борьбу со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную, священную организацию»⁷. Инициаторами борьбы с феодализмом были представители растущей буржуазии, агитации и пропаганда которых находила отклик среди широких масс бюргерства и крестьянства. «Но если боевой клич,— говорит Энгельс,— исходил от университетов и деловых людей городов, то он неизбежно находил сильный отклик в массах сельского населения, у крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами-помещиками, и притом борьбу за самое существование»⁸. Но буржуазия была еще слаба, чтобы выступить против феодализма открыто и чтобы освободиться в полной мере от средневековых традиций. Ее сознательная деятельность говорится в Кратком курсе истории ВКП(б) ограничивалась узкими рамками будничной практики. Она добива-

¹ См. Ф. Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 32, изд. 1932 г.

² Там же, стр. 33.

³ См. там же, стр. 32.

⁴ Маркс и Энгельс, соч. т. XIV, стр. 675.

⁵ «Церковь,— говорит Энгельс,— с ее феодальным землевладением, являлась реальной скрепой, связывающей различные страны» (см. «Маркс и Энгельс о религии и борьбе с ней», т. II, стр. 635). Она,— продолжает Энгельс,— являлась «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя» (см. Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 33):

⁶ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. II, стр. 296.

⁷ Там же стр. 295-96.

⁸ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. II. Стр. 296. О революционной роли буржуазии накануне и в первый период реформации в Германии Энгельс говорит и в другой части введения к брошюре «Развитие социализма от утопии к науке». Он указывает там, что это было время «... когда Европа вышла из средневековья» и «...расцветавшая тогда городская буржуазия была ее революционным элементом».

лась королевских милостей. Наиболее видные ее представители стремились проникнуть в ряды дворянства¹. Она использует средневековые традиции в своей борьбе против феодализма². Этот новый класс, говорит Энгельс «еще долго оставался связанным путами все-мощной теологии. Все реформационные движения и связанная с ними борьба, происходившая с XIII по XVII столетия под религиозной формой, в теоретическом отношении были только повторными попытками буржуазии, городских плебеев и крестьянства, в союзе с ними ставшего революционным, приспособить старое теологическое мировоззрение к изменившимся экономическим условиям и положению нового класса»³.

Идеолог немецкой буржуазии Мартин Лютер⁴, по образному замечанию Энгельса, должен был одеваться в костюм апостола Павла и говорить языком св. писания. Точно так же... Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета»⁵.

Таким образом, грандиозное социально-классовое движение в начале XVI века в Германии начинается под религиозным знаменем, но в 1525 г. оно дошло до вооруженной борьбы между угнетенными и угнетателями.

Несмотря на пестроту сословного строя мы видим некоторую группировку классовых сил. «Эта группировка,— говорит Энгельс,— возникает лишь с всеобщим распространением революционных религиозно-политических идей в эпоху реформации».

Образуются три больших лагеря: католический или реакционный, лютеровский — бюргерско-реформаторский, и революционный. В консервативно-католическом лагере «собрались все те элементы, которые были заинтересованы в сохранении существующих порядков, то есть имперские власти, духовные и отчасти светские князья, более богатое дворянство, прелаты и городской патрициат»⁶.

Под знаменем же... бюргерской, умеренной лютеровской реформы собираются все владельческие элементы оппозиции, масса низшего дворянства, бюргерство и даже часть светских князей рассчитывавших обогатить себя путем конфискации церковных имуществ...»⁷ Этот лагерь не думал о насильственном ниспровержении существующих порядков⁸.

¹ См. Историю Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), стр. 124.

² «... буржуазия, говорит Энгельс,— в борьбе против дворянства еще долго придерживалась по традиции теологического мировоззрения». См. XVI т., ч. I, стр. 296.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 295-96.

⁴ См. о буржуазном характере учения Лютера также соч. Маркса и Энгельса, т. XII, стр. 115, 125, т. XVII, стр. 157, 213, 240.

⁵ Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт», изд. 2-е, 1932 г. стр. 10.

⁶ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 36.

⁷ Энгельс, там же, стр. 36.

⁸ Правда, Мартин Лютер в начальный период своей деятельности (когда еще не было крестьянской войны) призывал королей и князей к уничтожению пороков католической церкви с оружием в руках. Он предлагал напасть на «пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору Римского Содома со всевозможным оружием...». По замечанию Энгельса, Лютер вначале проявил сильную крестьянскую натуру.

Наконец, говорит Энгельс, крестьяне и плебеи составили вместе революционную партию, требования и учение которой резче всего были сформулированы Мюнцером.

Реформатор Мартин Лютер, возглавлявший умеренно-бюргерскую партию, мог рассчитывать на поддержку ряда социальных групп. Этим объясняется тот факт, что его проповеди пользовались вначале колоссальным успехом. Многообразные взаимноперекрещивающиеся стремления рыцарей и горожан, крестьян и плебеев, домогавшихся для себя суверенитета князей, низшего духовенства, тайных мистических сект и ученой и сатирической литературной оппозиции нашли себе в них на первое время общее выражение и сгруппировались вокруг них с паразитальной быстротой».

По замечанию Маркса, реформация, подготовленная всем ходом развития Германии, нашла свое отражение в голове монаха Лютера¹.

31 октября 1517 г. Лютер прибил к дверям Виттенбергского собора свои тезисы, в которых он протестовал против злоупотреблений папского легата Тецеля, торговавшего индульгенциями².

Тезисы Лютера имели умеренный характер и свидетельствовали о том, что взгляды их автора были в то время еще слишком неопределенны. Однако, они сыграли исключительную роль в развертывании социально-классовых и политических событий. «Лютер,— говорит Энгельс,— дал в Виттенберге сигнал к движению, которое должно было увлечь все сословия в водоворот событий и потрясти все здание империи. Тезисы тюрингенского августинца оказали то же действие, как удар молнии на бочку пороха»³.

Значение Лютера в развертывании событий не ограничивается опубликованием тезисов; сожжением папской буллы Лютер бросил перчатку авторитету папы и учению о его непогрешимости. Своей литературной деятельностью «Лютер вычистил не только Авгиевы конюшни церкви, но и конюшни немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того, пропитанного чувством победы хора, который стал марсельезой XVI века»⁴. Мартин Лютер за сущность мира признавал веру и выступал против, «язычества» католического папства⁵. Критикуя действия Тецеля (папского уполномоченного, торговавшего индульгенциями), Лютер говорил, что источником прощения грехов является личная вера каждого. Искупить грехи, говорил он, можно и без посредничества особого сословия духовных лиц.

Помимо желания Лютера его агитация приобретала общественное значение. «Тот день, когда Лютер извлек первописание Нового Завета и с помощью этого греческого огня превратил в пепел столетия средневековья, с их синьорами и их крепостными, с их поэзией и их безыдейностью,— тот день и последовавшие за ним три столетия породили, наконец, эпоху, «которая целиком принадлежит общественному

¹ Маркс и Энгельс, соч. т. I, стр. 406.

² См. характеристику индульгенции в «хронологических выписках» Маркса (Большевик № 24 за 1936 г.).

³ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 63—64.

⁴ См. об этом Маркс и Энгельс, соч. т. XIV, стр. 476.

⁵ См. об этом Маркс и Энгельс, соч. том III, стр. 615.

мнению...»¹. «Призыв Лютера к бунту против церкви,— говорит Энгельс,— вызвал два политических восстания: сначала — низшего дворянства под предводительством Франца фон-Зиккингена в 1523 г., а затем — Великую крестьянскую войну 1525 г.² Об этой роли агитации Лютера говорится и в другой статье Энгельса («Германия и Швейцария»)³.

Крестьяне, угнетаемые феодалами, по своему поняли проповеди Лютера. Они переводили его учение на свой радикально-революционный язык. «Они понимали,— говорит Энгельс,— что нельзя связывать рабство и подчинение, в котором они жили, с учением библии»⁴.

Весь немецкий народ, по словам Энгельса, пришел в движение; в частности, «...крестьяне и плебей увидели в его воззваниях против попов, в его проповеди христианской свободы сигнал к восстанию»⁵.

Несмотря на свой грандиозный размах крестьянская война носила локальный характер; и по времени, и территориально она развевалась по отдельным районам. Основными из них являлись Швабский, Франконский и Тюринго-Саксонский.

V. Основные районы крестьянской войны и их особенности

а) **Швабский район.** В октябре 1524 г. в ландграфстве Штюлинген произошло решительное восстание, которое Энгельсом считается непосредственным началом крестьянской войны⁶. Восстание началось под руководством Ганса Мюллера из Бульгенбаха. Крестьянами был образован союз для совместной борьбы. Были посланы эмиссары в другие районы. «В качестве цели союза,— говорит Энгельс,— было провозглашено уничтожение феодального господства, разрушение всех замков и монастырей и встранение всех господ, кроме императора»⁷. «Так поднялись они,— говорит Энгельс в другом сочинении,— на борьбу против своих господ, борьбу, которая могла быть лишь борьбой за уничтожение»⁸. Этот характер выступления отметил и Ленин. Говоря о том, что вся эпоха крепостного права полна восстаний крестьян, он отметил, что «В Германии, например, в средние века достигла широких размеров и превратилась в гражданскую войну крестьян против помещиков борьба между двумя классами: помещиками и крепостными»⁹.

¹ Маркс и Энгельс, соч. т. II, стр. 47.

² Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. II, стр. 296.

³ См. соч. Маркса и Энгельса т. II, стр. 402.

⁴ Там же стр., 402.

⁵ Энгельс т. ж. стр. 37. В другом месте своего сочинения Энгельс подчеркивает, что «Своим переводом библии Лютер дал в руки плебейскому движению мощное орудие. В Библии он противопоставил феодализованному христианству своей эпохи скромное христианство первых веков, распадающемуся феодальному обществу — картину общества, ничего не знавшего о многосложной искусственной феодальной иерархии. Крестьяне всесторонне использовали это орудие против князей, дворянства и попов» (т. ж. стр. 41).

⁶ См. там же стр. 69.

⁷ Энгельс, т. ж. стр. 69.

⁸ Маркс и Энгельс соч. т. II, стр. 402.

⁹ Ленин соч. т. XXIV, стр. 371-72.

Феодалы были застигнуты восставшими врасплох. «Панический страх,— говорит Энгельс,— охватил все верхне-швабское дворянство, военные силы которого были почти целиком заняты в Италии, в войне против французского короля Франциска I». Оказавшись в таком положении, феодалы стремятся выиграть время переговорами. Поведение швабских феодалов за все время войны характеризовалось систематическими предательствами, вероломством и коварством.

Восставшие крестьяне выдвинули требования в 16 статьях. В 16 статьях говорилось об упразднении феодальных прав охоты, барщины, тяжких налогов и вообще господских привилегий. Крестьяне требовали защиты против произвольных арестов. «Эти требования,— говорит Энгельс,— отличались большой умеренностью»¹.

После указанных событий до января 1525 г. особенно крупных столкновений между крестьянами и феодалами не было, но отдельные стычки не прекращались.

Князя и господа прятались, крестьянское восстание расширялось. В январе 1525 г. вся страна между Дунаем и Лехом находилась в состоянии величайшего возбуждения; в феврале буря разразилась. Кроме Ганса Мюллера крестьянами был выдвинут в качестве вожака Ульрих Шмидт. Восстание в Швабии было типично крестьянским. Крестьянская масса всегда готова была идти на соглашение с господами, как только ей гарантировали уступки, которые она рассчитывала вырвать своим угрожающим поведением. Кроме широких масс крестьянства в движении принимали участие деклассированные (люмпен-пролетарские) элементы, которые наносили вред общему делу крестьян.

Энгельс придает очень важное значение роли плебейских элементов. «Революционная мюнцеровская партия всюду,— говорит он,— составляла меньшинство. Тем не менее она всюду являлась основным ядром и опорой крестьянских лагерей»². Борьба швабских крестьян носила в основном оборонительный характер. Очевидно Трухзесс (глава феодальной армии) был бы разбит, если бы крестьяне не поддавались обманам, а были бы решительнее в своих действиях.

Несмотря на недостатки своего движения, крестьяне добились созыва парламента. Этот крестьянский парламент работал в Меммингене. Здесь были сформулированы требования крестьян в «Двенадцати тезисах». «Они требовали,— говорит Энгельс,— выборности и сменяемости духовных лиц общинами, отмены малой десятины, обращения остающейся после уплаты содержания пастору части большой десятины на общественные надобности, уничтожения крепостной зависимости, права охоты и рыбной ловли, поборов, взыскивающихся с наследников после смерти держателя, ограничения чрезмерных налогов, повинностей и барщины, возврата общинам и отдельным лицам насильственно отобранных у них лесов, пастбищ и привилегий, устранения произвола в судах и управлении»³.

¹ Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 70;

² Энгельс там же стр. 73.

³ Энгельс, там же, стр. 74.

Эта блестящая характеристика «Двенадцати тезисов» Энгельса «дребезги разбивает разлагольствования фашистских фальсификаторов истории о том, что они были «предвосхищением» «аграрной программы» фашистов.

В «Двенадцати тезисах» нашли свое отражение главным образом требования средних и зажиточных слоев крестьянства. Умеренно-соглашательский тон в них преобладал. Более радикальные (бедняцко-плебейские) элементы выдвинули свои требования в «Письме с тезисами» (Artikelbrief)¹. Энгельс говорит, что «...в этом радикальном манифесте, который, очевидно, был составлен до весеннего восстания 1525 года, дало идеи прежде всего о революции, о полной победе над еще господствующими классами, и «светский банн» указывает лишь угнетателей и изменников, которые должны быть перебиты, замки, которые должны быть сожжены, монастыри и церковные учреждения, которые должны быть конфискованы и сокровища которых обращены в деньги». Письмо с тезисами, однако, являлось не только фактической программой для бедняцко-плебейских элементов (наряду с официальными «Двенадцатью тезисами»), но и руководящим правилом ведения войны.

б) Франконский район. В различных пунктах Франконии движение вспыхнуло в первых числах апреля 1525 г. В Нордлингене революционная партия под руководством Антона Форнера одержала важную победу.

Антон Форнер восставшими был избран бургомистром. Были установлены связи между горожанами и крестьянами. Уже 27 марта под предводительством Стефана фон-Менцингена «в городе Роттенбурге господство патрициата было свергнуто мелкими бюргерами и плебеями»². Вся Франкония была охвачена восстанием крестьян и городских масс. Во главе восставших стояли Вендель Гиплер (дворянин)³ и Яшка Рорбах (трактирщик — руководитель крестьян)⁴. Военные силы восставших состояли из двух отрядов: Светлого отряда и Черного отряда. Светлым отрядом были приняты в качестве программы «Двенадцать тезисов» швабских крестьян.

17 апреля был взят важный имперский город Гейльбронн. Владения духовенства и Тевтонского ордена были разгромлены восставшими. На крестьянское движение во Франконском районе оказали сильное влияние бюргерские и дворянские элементы, которые по различным мотивам примыкали к крестьянским отрядам. Интересы восставших крестьян здесь подчинены были интересам попутчиков⁵, идеи которых более или менее определенно выразил Вендель Гиплер. «Вендель Гиплер, — говорит Энгельс, — представитель, так сказать средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предвидению современного буржуазного общества»⁶.

¹ Текст «Письма с тезисами» см. в кн. В. Циммермана «История крестьянской войны в Германии», т. I, стр. 314—315, изд. 1937 г.

² Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 75.

³ В Оденвальде кроме Венделя Гиплера выдвинут был Георг Мезлер.

⁴ Яшка (Яклей) Рорбах был выдвинут восставшими нектарцами.

⁵ Преимущественно интересам буржуазных элементов.

⁶ Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 85.

Восставшими крестьянами в Гельбронне намечены были социально-политические реформы, которые под влиянием буржуазных и рыцарских элементов приобрели умеренный характер. «Так, централизация, которой требовали крестьяне, приняла здесь, в Гельбронне, более положительную форму, однако эта форма бесконечно отличалась от представления о ней крестьян. Так, например, она получила более определенное выражение в требованиях установить единство монеты, мер и весов, отменить внутренние таможенные пошлины и т. д. словом, в ряде требований, которые гораздо более отвечали интересам горожан, чем крестьян. Так, дворянству, были сделаны уступки, весьма приближавшиеся к современным выкупам и сводившиеся в конечном счете к превращению феодальной земельной собственности в буржуазную. Словом, как только требования крестьян были сведены в проект общей «имперской» реформы, они должны были подчиниться не временным требованиям, а конечным интересам горожан»¹.

Феодалы за все время крестьянской войны вели себя коварно. Пользуясь наивностью крестьян, они предлагали им переговоры, а потом врасплох нападали на них. В мае 1525 г. крестьяне во Франконии и Швабии терпят ряд поражений. Схваченный вероломными и жестокими феодалами Яшка Рорбах в Неккаргартах был казнен. Здесь по приказанию Трухзесса, его привязали к столбу и, обложив дровами, живым зажарили на медленном огне. Покончив с оденвальдцами, некарцами и нижне-франконцами, Трухзесс двинулся на Вюрцбург. Этот Альба крестьянской войны сжигал целые деревни и совершал бесчисленные казни. Таким образом поступали и другие феодалы. Епископ Бамбергский «тотчас же нарушил заключенный со своими крестьянами договор и отдал всю страну на растерзание ордам неистовых убийц и поджигателей из союзного войска»². В июле 1525 г. крестьянская война в Швабии и Франконии была подавлена. На Колленберге при Кемптене 25 июля был взят последний эплот восставших крестьян указанных районов.

в) Тюринго-Саксонский район и деятельность Т. Мюнцера. Восстание в Тюрингии и Саксонии вызвано было также невыносимым положением крестьян и плебейских элементов городов. В этом районе много было людей, работавших в промышленных предприятиях.

Положение Энгельса о том, что «...буржуазия породила своего близнеца-антагониста, пролетариат, а вместе с ним и новую классовую борьбу, которая началась еще до того, как буржуазия окончательно завоевала политическую власть»³, даст нам возможность выяснить роль движения плебейских масс и в частности роль Т. Мюнцера. Действительно, в Тюрингии и Саксонии мы видим целый ряд таких моментов, которые не были присущи для типичных крестьянских восстаний.

Участие пред-пролетарских элементов и крестьянской бедноты придавало движению целый ряд особенностей; «...плебейская часть городов,— говорит Энгельс,— была увлечена общей революционной

¹ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 85—86;

² Энгельс, там же, стр. 90.

³ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. 1, стр. 296.

бурей настолько, что зачаточный пролетарский элемент получил в ней на время перевес над всеми остальными факторами движения»¹. События в Тюрингии и Саксонии являлись кульминационным пунктом крестьянской войны 1525 г. Главным центром движения здесь являлся Мюльгаузен. Очень важную роль в подготовке идеологических предпосылок восстания в Тюрингии и Саксонии сыграла агитация Т. Мюнцера и его сторонников². Как уже отмечено выше, в Тюрингии и Саксонии движение обнаружило такие черты, которые выходили из рамок обыкновенных крестьянских выступлений. По замечанию Энгельса, здесь «на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом не было ничего нового, но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах»³. Эти идеи и требования были выражены замечательным человеком того времени, вождем плебейских элементов и крестьянских масс, Т. Мюнцером. Томаса Мюнцера Энгельс называет главным предводителем восставших, настоящим патриотом и демократом⁴.

«Мюнцер, — говорит Энгельс, — в качестве представителя зачатков пролетариата, — класса, стоявшего вне существующего тогда официального общественного союза, — дошел до предчувствия коммунизма»⁵.

Утверждения К. Каутского о том, что Мюнцер был обыкновенным средневековым сектантом и мистиком, не имевшим ни одной новой идеи, построены на ложных основаниях. Энгельс указывает, что «Это насильственное, но вполне объясняющееся из условий жизни плебеев, предвосхищение последующей истории мы впервые встречаем в Германии у Томаса Мюнцера и его партии»⁶. При этом в отличие от всех других средневековых коммунистов «у Мюнцера эти коммунистические намеки впервые становятся выражением потребностей реальной общественной группы; у него впервые формулируются с известной определенностью»⁷.

Идеи предпролетарских элементов у Т. Мюнцера уже выступают в качестве самостоятельного партийного воззрения⁸.

«И хотя в общем и целом, — говорит Энгельс, — буржуазия в своей борьбе с дворянством могла претендовать на то, чтобы представлять интересы различных трудящихся классов того времени,

¹ Энгельс, указ. кн., стр. 28.

² Нужно подчеркнуть, что Т. Мюнцер действовал не только в указанном районе, где он был наиболее признанным вождем, но и в других районах Германии. Он и сам много путешествовал (с целью агитации и пропаганды) по Германии и действовал через своих эмиссаров. Энгельс говорит, что «он держал в своих руках все нити движения» и «выпускал один революционный памфлет за другим, рассылая во всех направлениях своих эмиссаров» («Крестьянская война в Германии», стр. 94 и 45). См. об этом также книгу Проскурякова «Т. Мюнцер», изд. 1937 г.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс о религии и борьбе с ней» т. II, стр. 440, изд. 1933 г.

⁴ Маркс и Энгельс, соч. т. V, стр. 17.

⁵ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 85.

⁶ Энгельс, там же, стр. 36.

⁷ Энгельс, там же, стр. 36.

⁸ См. Энгельс, там же, стр. 35.

тем не менее, при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было в эпоху реформации и крестьянских войн в Германии движение анабаптистов и Т. Мюнцера»¹.

Все важнейшие идеи и классовая борьба в средние века скрывались под религиозной оболочкой. Под религиозной оболочкой выступали и идеи Мюнцера.

«Проповедник Томас Мюнцер,—говорит Энгельс,—выбранный ими (т. е. крестьянами—И. И.) предводителем, выпустил воззвание, которое, естественно, переполнено было религиозными суеверным вздором своего времени, но которое, между прочим, содержало в себе и такие положения: что, согласно Библии, ни один христианин не имеет права удерживать исключительно для себя какую бы то ни было собственность; что только общая собственность соответствует христианскому обществу; что доброму христианину не дозволяется проявлять какую бы то ни было власть или насилие над другими христианами, но, что, наоборот, все люди равные перед богом, должны быть равны между собой и на земле»². По словам Энгельса, это легко объясняется условиями времени.

«Догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона... Ясно, что при этих условиях всеобщие нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять собою одновременно и богословские ереси. Для того, чтобы возможно было нападать на общественные отношения, с них нужно было совлечь покров святости»³.

Теологическое и философское учение Мюнцера нападает на основные пункты не только капитализма, но и христианства вообще. Он выдвинул целый ряд положений, которые характерны были, между прочим, для атеизма нового времени. Небо, по мнению Мюнцера, не является чем-либо потусторонним. Он предлагал искать его в земной жизни. Призвание верующего состоит в том, чтобы установить это небо, т. е. царство божие, здесь на земле⁴. Он отрицал существование потустороннего неба, ада, вечного осуждения и т. д. Нужно, говорил Мюнцер, сделать земную жизнь небесной, т. е. справедливой, где «не было бы бедных и богатых, угнетателей и угнетенных». Проанализировав взгляды Т. Мюнцера, Энгельс указал, что «... его политическая программа была очень близка к коммунизму»⁵. Требование секуляризации церковных имений в пользу народа⁶ и единой неделимой империи у Т. Мюнцера приобретает совершенно другой характер. В первом случае он имел в виду «конфискацию на предмет установления

¹ Маркс и Энгельс, соч. т. XV, стр. 509.

² Маркс и Энгельс, соч. т. II, стр. 402.

³ Энгельс, указ. кн., стр. 33.

⁴ См. Энгельс, т. ж. стр. 44.

⁵ Энгельс, т. ж. стр. 44.

⁶ Например, членов Союзного башмака в Шпейере.

общности имущества»¹, а во втором, превращение единой неделимой империи «... в единую и неделимую республику»².

К. Маркс указал, что «Томас Мюнцер называл невыносимым, что все твари сделались собственностью — рыбы в воде, птицы в воздухе, растения на земле»³. Т. Мюнцер указывал, что «тварь должна быть свободна»⁴.

Вообще, государственные воззрения Т. Мюнцера выражены не совсем четко и ярко, но все же они дают нам возможность утверждать, что он был республиканцем, как заметил Маркс, настоящим демократом. Он мечтал о такой республике, где все люди имеют одинаковые права. «Под царством божьим,— говорит Энгельс,— Мюнцер понимал такой общественный строй, в котором уже нет ни классовых различий, ни частной собственности, ни независимой от членов общества и чуждой им государственной власти»⁵.

Интересно здесь подчеркнуть, что Мюнцер мечтал об осуществлении своих коммунистических идей не только в Германии, но и во всем христианском мире⁶.

Посредством каких мер предполагал Т. Мюнцер осуществить указанные идеи? Для их осуществления он предлагал основать союз. «Князьям и господам нужно предложить присоединиться к нему; если они этого не сделают, союз должен при первом удобном случае напасть на них с оружием в руках и перебить их всех»⁷. Виновниками всех общественных зол являются, говорил он, князья и господа. Они «обращают в свою собственность все твари, рыбу в воде, птицу в воздухе, растения на земле... обдирают и дерут шкуру с крестьянина и ремесленника; когда же последний совершит самонадеянный проступок, то его отправляют на виселицу»⁸. Князей и всех господ нужно уничтожить. Развернувшуюся крестьянскую войну в Германии он рассматривал, как начало великих событий. «Весь мир,— писал Мюнцер,— должен выдержать великий удар; разыгрывается нечто такое, в результате чего безбожники (т. е. эксплуататорские классы — И. И.) будут низвергнуты, а стоящие внизу будут возвышены».

В рассматриваемом районе «Мюнцер был более или менее признанным вождем»⁹. Под его (и Пфейфера) руководством в Мюльгаузене 17 марта произошел переворот. Старый патрицианский совет, говорит Энгельс, был свергнут, и управление передано в руки вновь избранного «вечного совета», председателем которого стал Мюнцер.

Но став председателем «вечного совета» Мюнцер, тем самым, оказался в противоречивом положении. Дело в том, что главную силу в Мюльгаузене составляли мелкобуржуазные элементы. Мюнцер же шел «значительно дальше непосредственных представлений и требований плебеев и крестьян и должен был создавать партию из авангарда су-

¹ Энгельс, т. ж. стр. 54.

² Энгельс т. ж.

³ Маркс и Энгельс, соч. т. I, стр. 382;

⁴ Маркс и Энгельс, т. ж., стр. 382.

⁵ Энгельс «Крестьянская война в Германии», стр. 44—45.

⁶ См. об этом там же, стр. 45.

⁷ Энгельс, т. ж. стр. 45.

⁸ Энгельс, т. ж., стр. 45.

⁹ Энгельс, т. ж., стр. 96.

ществовавших тогда революционных элементов, партию, которая, поскольку она стояла на высоте его идей и разделяла его энергию, всегда оставалась лишь ничтожным меньшинством всей восставшей массы»¹.

«Самое худшее, говорит Энгельс, что может случиться с вождем крайней партии, это такое стечение обстоятельств, при котором он вынужден взять в свои руки управление в эпоху, когда движение еще не созрело для господства того класса, представителем которого он является, и для проведения мер, требуемых господством этого класса». Он неизбежным образом оказывается перед неразрешимой дилеммой: «то, что он может сделать, противоречит всему прежнему его поведению, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо. Словом, продолжает далее Энгельс, вождь крайней партии, оказавшись в таких условиях, вынужден отстаивать не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент»².

В таком, даже худшем положении оказался Томас Мюнцер в Мюльгаузене. «Положение Мюнцера,— говорит Энгельс,— во главе Мюльгаузенского «вечного совета», было, однако, еще более рискованным, чем положение любого современного революционного правителя (оказавшегося в указанных выше критических условиях — И. И.). Не только тогдашнее движение, но и вся его эпоха не созрели для проведения в жизнь тех идей, которые он сам начал лишь смутно предчувствовать. Класс, представителем которого он являлся, не только был весьма далек от того, чтобы достигнуть состояния полного развития, которое бы позволило ему подчинить и преобразовать все общество, но едва только начал складываться. Общественный переворот, рисовавшийся ему в фантазии, имел еще так мало оснований в наличных материальных отношениях, что эти последние подготавливали общественный порядок, представлявший собою прямую противоположность тому порядку, о котором он мечтал»³.

Мысли, заключающиеся в приведенной цитате, Энгельсом подчеркнуты и в «Развитии социализма от утопии к науке». Там говорится: «Эти революционные выступления еще несложившегося класса сопровождались соответствующими теоретическими построениями; таковы в XVI и XVII столетиях утопические изображения идеального общественного строя...»⁴.

В этих гениальных обобщениях Энгельса показаны с исключительной полнотой и яркостью и противоречивость обстановки, в которой пришлось действовать Т. Мюнцеру, и историческая роль его выступления.

Исторический анализ обстановки и степени развития общества в первой половине XVI века в Германии показал, что программа Мюнцера представляла собой «не столько сводку требований тогдашних плебеев, сколько гениальное предвосхищение условий освобождения

¹ Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 49.

² См. там же, стр. 94—95.

³ Энгельс, т. ж., стр. 95.

⁴ Маркс и Энгельс, соч., т. XV, стр. 509.

едва зародившихся тогда среди этих плебеев пролетарских элементов»¹. Однако, Т. Мюнцер, как преданный делу народа политический деятель, в качестве представителя Мюльгаузенского «вечного совета» стремится провести целый ряд реформ и преобразований. Он сначала пытался даже практически осуществить свой план. В Мюльгаузене Мюнцером «были провозглашены общность всех имуществ, одинаковая для всех обязанность трудиться и уничтожение всякой власти»². Но претворить все это в жизнь, ему не удалось.

«Мюльгаузен остался республиканским имперским городом с несколько демократизированной конституцией, с избираемым всеобщей подачей голосов и находящимися под контролем народного собрания сенатом и с наспех импровизированной организацией натурального обеспечения бедных. Общественный переворот, казавшийся протестанским буржуазным современникам столь ужасным, в действительности никогда не выходил за рамки слабой и бессознательной попытки преждевременного установления позднейшего буржуазного общества»³.

Несмотря на это Мюнцер ведет неустанно революционную работу. Он писал письма и рассылал гонцов и эмиссаров во все стороны; он «превратился в пророка революции»⁴.

Примеры Мюльгаузена и агитация Мюнцера увлекли крестьян других районов. В марте, апреле и в начале мая восстают крестьяне и плебейские массы Эйхсфельда, Гарца, Гессена, Фульды и других районов. Самое мощное движение развернулось в апреле 1525 г.

Среди господствующих классов сначала царила растерянность, но во второй половине мая их отряды вероломством и коварством стали одерживать победы над восставшими. Сначала около Франкенгаузена, а потом и в самом Мюльгаузене (25 мая) восставшие потерпели поражение.

Мюнцер был ранен и взят в плен. Через некоторое время он был «подвергнут пытке и затем обезглавлен» (Энгельс). Арестован и обезглавлен был и Пфейфер⁵. Наряду с руководителями очень много убито было рядовых участников восстания.

г) Некоторые замечания о движении крестьян в других районах. В 1525 г. крестьянские массы выступали против своих угнетателей не только в Швабии, Франконии, Тюрингии и Саксонии, но и в целом ряде других районов. Пламенем крестьянской войны охвачена была почти вся Германия, за исключением северо-восточной области (районов восточной колонизации). Энгельс заметил, что «...крестьяне, населявшие земли к востоку от Эльбы, остались почти не затронутыми могучим крестьянским движением Южной и Западной Германии в последнюю четверть XV и первую четверть XVI века, а когда разразилась революция 1525 г., она нашла лишь слабый отклик в Восточной Пруссии и без большого труда была там подавлена. Крестьяне к востоку от Эльбы предоставили своих восставших братьев их судьбе и

¹ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 44.

² Энгельс, там же, стр. 95—96.

³ Энгельс, т. ж. стр. 96.

⁴ Энгельс, т. ж.

⁵ Пфейфер — один из руководителей восстания в Мюльгаузене.

получили за это по заслугам»¹. Энгельс отметил, что крестьяне за свое отступничество от общего дела жестоко поплатились; они «получили по заслугам».²

В Эльзасе восстание поднялось немного позднее, чем в рассмотренных выше районах. Важно здесь отметить, что в подавлении восставших крестьян приняли участие французские дворяне, несмотря на то, что между Францией и Германией в это время происходила война. Во второй половине мая крестьяне терпят поражение за поражением. «Они,—говорит Энгельс,—защищались с величайшей храбростью, но при огромном численном перевесе противника — 30000 против 7000— и измене нескольких рыцарей, в особенности рейхенвейерского фогта, эта храбрость ничего не могла сделать. Они были совершенно разбиты и рассеяны»³.

Очень важные события на протяжении 1525 г. имели место в альпийских землях Австрии. Здесь также царили феодальные порядки. Крестьяне угнетались частными магнатами, церковью и правительством. «Восстание (в альпийских землях Австрии — И. И.) было вызвано религиозными преследованиями и произволом, царившим в обложении»⁴. Весной 1525 г. громадные территории оказались в руках восставших крестьян. Но к весне 1526 г. движение было подавлено и здесь.

VI. Результаты крестьянской войны и ее историческое значение

Летом 1525 г. восстание крестьян было подавлено почти повсеместно. «Самая величественная революционная попытка немецкого народа закончилась позорнейшим поражением и привела на время к удвоению гнета»⁵. После крестьянской войны повсеместно началась жестокая расправа: выкалывали глаза, зажаривали на медленном огне, вырезывали языки, отрубали пальцы и т. д. Уничтожались пожарами целые деревни. Некоторые историки полагают, что в результате исключительных зверств было убито около 130 тысяч человек. «Крестьяне,—говорит Энгельс,—повсеместно снова вернулись под власть своих духовных, дворянских или патрицианских господ»⁶.

Крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы. С этого момента вновь началось всеобщее преобладание крепостничества среди германских крестьян. В местностях, где свирепствовала борьба, все сохранившиеся еще права крестьян были теперь беззастенчиво попораны; общинная земля была превращена в господскую, сами крестьяне в крепостных, а северогерманские крестьяне, в благодарность за то, что они, живя в лучших условиях, оставались спокойными, очутились под таким же гнетом, только несколько позднее⁷. Наконец, в статье «Германия и Швейцария» Энгельс

¹ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 240.

² Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 240.

³ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 100.

⁴ Энгельс, там же, стр. 100.

⁵ Энгельс, т. ж., стр. 103.

⁶ Энгельс, т. ж., стр. 103.

⁷ См. Маркс и Энгельс, соч. т. XV, стр. 641. См. об этом также т. XVI, ч. I, стр. 240.

заявил еще более резко: «Восстание,— говорил он, — было подавлено в кровавой гражданской войне, и крестьяне низвергнуты были в прежнее рабство»¹. Однако Энгельс указал, что «подавление восстания не ухудшило надолго положения крестьянского класса. То, что могли выколачивать из крестьян из года в год дворяне, князья, и попы выколачивалось, конечно, уже до войны»².

Из числа господствующих классов, более всего, говорит Энгельс, от крестьянской войны пострадало духовенство. Принадлежащие ему монастыри и учреждения были сожжены, многие ценности изъяты, продуктовые запасы были съедены. Идея секуляризации церковных имений стала очень популярной. Используя критическое положение духовенства, «светские князья и отчасти города постарались провести эту секуляризацию в своих интересах»³. Существенно пострадало и дворянство (рыцарство), которое «все более и более теряло свое значение, как зависящее непосредственно от империи сословие и все более и более попадало в зависимость от князей»⁴. Не выиграли ничего и города, за исключением патрицианских элементов. Бюргерская оппозиция была подавлена. К власти снова пришел патрициат. Города лишаются ряда привилегий; многие из них облагаются контрибуциями. Движение городского плебса было подавлено вместе с крестьянскими восстаниями.

В самом выигрышном положении оказались князья. «Они выиграли не только относительно от ослабления своих конкурентов— духовенства, дворянства и городов,— но и абсолютно, получив главную добычу за счет всех остальных сословий. Духовные имения были секуляризованы в их пользу; часть дворянства, наполовину или совершенно разорившаяся, постепенно должна была подчиниться их верховной власти; наложенные на города и крестьянские общины контрибуции текли в их казну»⁵.

Неудачный исход крестьянской войны оказал существенное влияние и на политическое развитие Германии. Это влияние выразилось в усилении процесса децентрализации государственного единства. В введении к брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс очень образно определил значение неудачного исхода реформации и крестьянской войны в Германии. Он указал, что «С этого момента борьба (между различными политическими группировками — И.И.) выродилась в грызню между отдельными князьями и центральной имперской властью и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы»⁶. Эту же мысль Энгельс провел в «Людвиге Фейербахе»⁷. Правда,

¹ Маркс и Энгельс, соч., т. II, стр. 403.

² Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 103.

³ Энгельс, там же, стр. 104.

⁴ Энгельс, т. ж., стр. 104. В «Людвиге Фейербахе» Энгельс подчеркнул, что «прежде всех потерпело поражение дворянство» (см. соч. Маркса и Энгельса т. XIV, стр. 675).

⁵ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 105.

⁶ Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. II, стр. 296.

⁷ «С тех пор,— говорит он,— в течение целых трех столетий Германия не принадлежала к числу наций, самостоятельно вмешивающихся в историю». (См. Маркс и Энгельс, том XIV, стр. 675).

указанная децентрализация (которая имела место уже до начала XVI века) существенно обусловила и неудачу самой войны. «Раздробление Германии,— говорит Энгельс,— обострение и усиление которого было главным результатом крестьянской войны, было в то же время и причиной неудачи»¹.

Все указанное выше органически связано было с исключительной пестротой сословных групп в Германии.

Даже среди угнетенных элементов общества не было сплоченности; «крестьяне и плебеи не смогли соединиться для общего действия и становились друг другу поперек дороги»². Энгельс указал в своей статье «Бакунисты за работой», что самым большим злом, погубившим дело угнетенных, была распыленность и разрозненность революционных сил; «...во время крестьянской войны в Германии и во время немецких восстаний в мае 1849 г. было неизбежным злом,— а именно раздробленность и разрозненность революционных сил, позволяющая одним и тем же правительственным войскам подавлять одно восстание за другим...»³.

Крестьянская война 1525 г. в Германии явление по своему существу локальное. И эта ее локальность, опять же, была одной из причин неудачи. Энгельс указал, что «местное и провинциальное раздробление и вытекающее из нее неумение возвыситься над местными и провинциальными интересами привели все движение к гибели». Восстание крестьян и городских плебеев не поднялось до уровня общеимперского движения; «ни горожане, ни крестьяне, ни плебеи не оказались способными к соединенному общенациональному выступлению; как крестьяне, например, действовали в каждой провинции на свой собственный страх, постоянно отказывали соседним восставшим крестьянам в помощи и потому одни за другими уничтожались в отдельных сражениях войсками, которые не равнялись даже десятой части всей массы восставших». Крестьянские восстания подавлялись господствующими классами как бы по очереди, одно за другим.

В ходе восстания между различными группами восставших крестьян не было согласованности не только в военных действиях против врагов, но и в программных вопросах. Крестьяне разных районов Германии выдвигали самые различные требования. В некоторых районах программы крестьян требовали частичных реформ, в других полной отмены феодальных порядков, а в ряде мест Тюрингии плебейскими элементами были выдвинуты такие идеи, которые выходили из рамок обыкновенного крестьянского движения.

У крестьян не было общепризнанных вождей. Большой вред крестьянскому движению принесло участие в нем попутчиков. Дворянские элементы, которые по излишней доверчивости крестьян ставились во главе отдельных отрядов, в самые кригические моменты (как

¹ Энгельс, «Крестьянская война в Германии», стр. 105. Там же Энгельс указывает, что «недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии делало невозможным всякое объединение немцев в единую нацию, что оно допускало лишь местную провинциальную централизацию...».

² Энгельс, там же, стр. 106.

³ Маркс и Энгельс, соч. т. XV, стр. 119.

правило) предавали восставших. Наиболее типичным представителем этих попутческих элементов был Гец фон-Берлихинген, которого Маркс презрительно называет жалким субъектом. В этом, говорит Маркс, «жалком субъекте мы имеем трагическую противоположность рыцарства с императором и князьями в ее адекватной форме»¹. Крестьяне очень часто наивно и доверчиво относились к тем соглашениям и договорам, которые заключались между ними и феодалами.

Кроме всего перечисленного, в ряде районов крестьяне занимали оборонительные позиции. Крестьяне были плохо вооружены. Не было среди них твердой дисциплины. В общем, указание товарища Сталина о характере восстаний Болотникова, Разина и Пугачева в России относятся в такой же степени и к крестьянской войне в Германии. И в грандиозных событиях 1525 г. в Германии мы видим «... отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьян против феодального гнета»². Несмотря на то, что крестьяне составляли большую часть населения Германии XVI в., их упорная борьба кончилась поражением. «Начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии, говорит Ленин, и продолжая всеми крупными революционными движениями и эпохами вплоть до 1848 и 1871 годов, вплоть до 1905 года мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывает свою волю большинству, побеждая его. Фр. Энгельс особенно подчеркивал урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянское восстание XVI века и революцию 1848 года в Германии, именно: разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелкобуржуазным жизненным положением. И, с этой стороны подходя к делу, мы приходим к тому же выводу: простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»³. Наличие элементы городской буржуазии были слабы для того, чтобы возглавить крестьянское движение, да они этого и не желали, так как интересы буржуазии и крестьян не совпадали. Об этом совершенно четко говорил в свое время Энгельс. Он указал, что «Городская буржуазия не была еще достаточно сильна и развита, чтобы объединить под своим знаменем все прочие бунтовские элементы: плебеев в городе, низшее дворянство и крестьян в деревне... Города не поддерживали крестьян и революция была подавлена войсками крупных феодальных владельцев, которые и воспользовались всеми ее выгодными последствиями»⁴. Отсутствие поддержки со стороны буржуазии, ее рав-

¹ Маркс и Энгельс, соч. т. XXV, стр. 251.

² И. В. Сталин. «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом» изд. 1933 г., стр. 8-9.

³ Ленин, Собр. соч. т. XXI, стр. 54. См. об этом также Маркс и Энгельс, соч. т. IV, стр. 12.

⁴ Маркс и Энгельс, соч. том XIV, стр. 675.

нодушное отношение к делу крестьян были важными факторами, которые наряду с другими причинами обусловили неудачу войны. «Оба они (т.е. рыцарское восстание и крестьянская война—И. И.),— по словам Энгельса, — были подавлены главным образом вследствие нерешительности наиболее заинтересованной партии, городской буржуазии,— нерешительности, на причинах которой мы здесь не можем останавливаться»¹.

Идеолог буржуазной реформации Мартин Лютер, агитация которого содействовала развитию крестьянского движения, тезисы которого, по замечанию Энгельса, попали как искра в бочку с порохом, в связи с развертыванием подлинного народного движения, перешел в княжеский лагерь. М. Лютер «... не имел никакого желания идти так далеко, как народ; ... он все же не отделался от политических и социальных предрассудков своего времени. Он столь же твердо верил в божественное право князей и помещиков топтать народ, как верил в Библию»². В решительную минуту борьбы, Лютер с бешенством призывал князей душить и резать повстанцев³. Лютер «начав свое жизненное поприще как человек народа, перешел затем всецело на службу к его притеснителям»⁴. В общем, в ходе борьбы крестьян с угнетателями, Лютер как идеолог реформации, сделался «княжеским холопом»⁵. Таким образом, буржуазия не могла и не хотела поддерживать крестьян и возглавить их в решительные минуты борьбы с феодалами. Пролетариата, в полном смысле этого слова, в Германии еще не было. Не было, следовательно, того класса, который мог бы направить движение крестьян в должное русло.

Указанные выше положения В. И. Ленина о крестьянских движениях развил далее и углубил в своих работах товарищ Сталин.

В своей беседе с Э. Людвигом (немецким писателем) товарищ Сталин указал, что «Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»⁶. Этого главного условия в первой половине XVI в. в Германии не было. Предпролетарские элементы в то время еще только зарождались. Они еще были слабы для того, чтобы возглавить движение крестьян. Во всех районах крестьянской войны, в том числе и в Тюрингии, плебейские элементы количественно составляли меньшинство. Правда, плебс везде и всюду составлял наиболее деятельную и боевую часть восставших.

Несмотря на неудачный конец крестьянской войны 1525 г. в Германии Маркс, Энгельс и Ленин оценивали ее очень высоко. Именно классики марксизма-ленинизма, на основе детального

¹ Маркс и Энгельс, соч. том XVI, ч. II, стр. 296.

² Маркс и Энгельс, соч., т. II, стр. 403.

³ См. там же, стр. 403.

⁴ Там же, стр. 403.

⁵ Маркс, «Хронологические выписки», т. III, стр. 71 (цит. по журналу «Большевик» № 24 за 1936 г.).

⁶ И. В. Сталин, «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9. Изд. 1933 г. См. об этом так же «Историю Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)», ст. ст. 12, 71, 72.

анализа конкретного материала, показали ее сущность и историческое значение, подняв историографию вопроса на новую высшую ступень. Энгельс называет крестьянскую войну революцией. Классики марксизма-ленинизма определяли крестьянскую войну 1525 г. в Германии как первый акт буржуазной революции¹, как первую попытку уничтожить феодализм², но они неоднократно подчеркивали и ее особенности по сравнению с буржуазными революциями в других странах Европы (по сравнению с нидерландской, английской и французской), указывая, что в Германии эта революция кончилась неудачей. «Самая величайшая революционная попытка немецкого народа, — говорит Энгельс, — закончилась позорнейшим поражением и привела на время к удвоению гнета»³. Вслед за Энгельсом, Ленин называл крестьянскую войну в Германии и реформацию великой буржуазной революцией старых времен⁴. Здесь, по его выражению, «... крестьянство играло выдающуюся революционную роль»⁵.

Великой буржуазной революцией называет крестьянскую войну и реформацию Энгельс и в предисловии к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». Там он указывает, что «... во всех трех великих буржуазных революциях (реформация в Германии и крестьянская война в XVI в.; английская революция XVII века; французская XVIII века) боевой армией являются крестьяне»⁶. Феодально-крепостнические порядки задерживали развитие производительных сил⁷; выступление крестьян против этих порядков носило прогрессивный характер. При удачном исходе, крестьянская война освободила бы производительные силы от указанных оков. Таким образом, Маркс, Энгельс и Ленин сравнивали крестьянскую войну по ее характеру и целям с такими буржуазными революциями, которые имели уже европейское значение. Но сравнивая ее с ними, они подчеркивали, что указанные выше буржуазные революции происходили в иной исторической обстановке и имели совершенно иные результаты. Об этом совершенно четко говорит Маркс: «Революция 1789 г. имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 г., а революция 1648 г. — только восстание нидерландцев против Испании»⁸.

«Революции 1648 и 1789 гг., — говорит далее он, — не были английской и французской революциями; это были революции европей-

¹ См. «Крестьянскую войну в Германии», Энгельса, стр. 107 и 108. Революцией называл он ее и в своей статье «К истории прусского крестьянства» (см. Маркс и Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 240.)

² «Не забудем, что забастовки и объединения крепостных были рассадниками средневековых коммун и что эти коммуны являлись в свою очередь, колыбелью новой буржуазии» (см. Маркс и Энгельс, соч. т. IX, стр. 172).

³ Ф. Энгельс, указ. кн., стр. 113.

⁴ В. И. Ленин, соч. т. XII, стр. 210.

⁵ Там же, стр. 210.

⁶ Высказывания Энгельса в данном случае воспроизводятся по Ленину, см. т. XII, стр. 210. Срав. Введение к брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» т. XVI, часть II, соч., Маркса и Энгельса.

⁷ См. История ВКП(б), Краткий курс, ст. 5. изд. 1938.

⁸ Маркс и Энгельс. Соч. т. VII, стр. 54-55.

ского масштаба»¹. По определению Маркса, «они провозглашали политический строй нового европейского общества. Буржуазия победила в них»². «Революция 1648 г., — продолжает далее Маркс, — представляла победу семнадцатого века над шестнадцатым, революция 1789 г. — победу восемнадцатого века над семнадцатым. Эти революции выражали еще больше потребности тогдашнего мира, чем потребности тех частей мира, где они происходили, т. е. Англии и Франции»³. В отличие от перечисленных буржуазных революций, которые происходили уже в иных условиях, «революция 1525 г. была местным делом Германии. Англичане, французы, чехи, венгерцы уже успели проделать свои крестьянские войны к тому моменту, когда немцы начали делать свою»⁴. Несмотря на неудачный конец, крестьянская война и реформация сыграли важную роль в будущем развитии общественного мнения в Германии. Последовавшие за указанными событиями столетия «породили, наконец, эпоху, которая целиком принадлежит общественному мнению...»⁵

Если бы в тех условиях реформация и крестьянская война завершились успехом, в Германии бы восторжествовало буржуазное общество, и ее историческое развитие пошло бы значительно быстрее по пути к прогрессу.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Энгельс, указ. кн., стр. 108. Соцэкгиз 1931 г.

⁵ Маркс и Энгельс, соч. т. II, стр. 47.